

■ ■ ■ Формирование цифрового суверенитета личности: коммуникативный аспект

Литвинцева Е.А., Васекин А.С.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация.

Аннотация. В статье раскрывается сущность и содержание цифрового суверенитета личности в условиях динамически развивающихся процессов цифровизации. Актуальность темы обусловлена осознанием человеком своей роли в обеспечении безопасности персональных, личных и иных чувствительных данных в информационном пространстве. Широкое применение цифровых профилей и аккаунтов, содержащих чувствительную и конфиденциальную информацию, использование умных устройств, программ и технологий поднимает вопрос об осмыслении цифрового суверенитета личности, способов его обеспечения и проблемы коммуникации в цифровом пространстве. В научно-практической литературе в последнее время уделяется значительное внимание цифровому суверенитету государства, однако малоизученным остается целый ряд проблем, отражающих особенности развития цифрового общества, защите прав и интересов личности в цифровом пространстве, в том числе обеспечивающих индивидуальные взаимосвязи и коммуникации. Предметом статьи выступает цифровой суверенитет личности в коммуникативном аспекте, его содержание и структурные элементы. Авторы изучают различные подходы к определению сущности данного понятия с позиции многих дисциплин и отраслей знаний. Статья завершается авторским определением понятия «цифровой суверенитет личности».

Ключевые слова: цифровой суверенитет личности, информационная безопасность, конфиденциальность, персональные данные

Для цитирования: Литвинцева Е.А., Васекин А.С. Формирование цифрового суверенитета личности: коммуникативный аспект // Коммуникология. 2024. Том 12. № 3. С. 116-127. DOI 10.21453/2311-3065-2024-12-3-116-127.

Сведения об авторах: Литвинцева Елена Ананьевна – доктор социол. наук, доцент, заведующая кафедрой организационного проектирования систем управления Института государственной службы и управления РАНХиГС. E-mail: litvintseva-ea@ranepa.ru. Васекин Артем Сергеевич – аспирант кафедры организационного проектирования систем управления Института государственной службы и управления РАНХиГС. E-mail: vasekin-as@ranepa.ru. Адрес (все авторы): 119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 84.

Статья поступила в редакцию: 06.03.2024. *Принята к печати:* 28.08.2024.

Введение. В последнее время термин «цифровой суверенитет» стал достаточно популярным в научной, академической литературе, социальном и политическом дискурсе. Его употребляют в разных контекстах и смыслах, связывают

Конфликт интересов: отсутствует.

с национальным государством и информационной безопасностью, корпоративным сектором и экономикой, с гражданами и их коммуникацией в социальных сетях.

Для выявления сущности и содержания этого термина необходимо уделить внимание нескольким аспектам: (1) предпосылкам возникновения концепций суверенитета и государственности, и особенностей становления цифрового суверенитета с последующим превращением его в самостоятельную форму суверенитета; (2) систематизации различных контекстов использования цифрового суверенитета, в том числе в коммуникативном значении, выявление общих и отличительных характеристик.

Хотя термин «суверенитет» использовался еще со времен древних римлян, его концептуально-историческое содержание часто ассоциируется с такими авторами, как Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Ж. Боден, а позже и К. Шмитт, которые ссылаются на общественный договор между абсолютным сувереном и народом. Хотя это изначально далеко от интуитивного понимания того, что сегодня подразумевается под цифровым суверенитетом, они раскрывают одну особенность: термин суверенитет сопровождается относительной детерминацией (постоянными свойствами), которая остается неизменной даже в цифровом пространстве. А именно, сущность всегда суверенна по отношению к другой сущности или вещи. Это делает полезным рассмотрение различного набора отношений в дальнейшем. В конечном счете, то же самое относится к термину «цифровой суверенитет», представляющего собой не статическую конструкцию, а обретающего свою форму в социальном взаимодействии.

Одно из самых распространенных определений суверенитета содержится в работах Н.Б. Пастуховой, под которым понимается «правовое качество или свойство государства, символизирующее политико-правовую самостоятельность государства, его верховенство в пределах своей территории и независимость в государственных отношениях от других государств» [Пастухова: 46].

В Стэнфордской философской энциклопедии определены ключевые принципы суверена: «...(1) обладание властью; (2) власть проистекает «из какого-то взаимно признанного источника легитимности» (Бог, конституция или закон); (3) власть является высшей; и (4) власть над территорией...» [Philpott, 3]. При этом отмечается возможность ограничения такой власти посредством международных или региональных договоров, действий транснациональных корпораций или глобальных вызовов, в частности, развитием глобальных коммуникационных и телекоммуникационных инфраструктур и Интернета [Kallis: 288]. Также в некоторых исследованиях отмечается усиление дискурса суверенитета при слабой реальной власти и наоборот [Werner: 2001].

По мере того, как меняются понятия власти, функций государства и пределов его вмешательства в дела гражданского общества, наполняются новым содержанием понятия «права и свободы человека». Впоследствии это приводит к тому, что понятие суверенитет начинает проявляться в других контекстах и для

других суверенов, выходящих за рамки прежних представлений и оказывающих влияние на концептуализацию цифрового суверенитета. Появились такие термины как продовольственный суверенитет, «суверенитет тела», технологический суверенитет, информационно-коммуникативный суверенитет и т.д. Происходит постепенный сдвиг понятия суверенитета от коллективной точки зрения (государство, нация) к более индивидуальной (компания, небольшая группа людей или сообщество) и, в конечном счете, к отдельной личности.

Контексты использования термина «цифровой суверенитет»

Использование понятия «цифрового суверенитета» в научной литературе является настолько широким и разнообразным, что можно выделить несколько контекстов его применения, каждый из которых отражает отдельные характеристики, в частности:

- суверенитет киберпространства, связанный со степенью и характером государственного контроля интернета и регулированием коммуникаций (суверенный интернет);
- цифровой суверенитет государства, связанный с контролем органами государственной власти различных элементов цифрового мира, включая регулирование коммуникаций как средства передачи значимой для государства информации;
- цифровой суверенитет коренных народов и местных общин, возникший вследствие необходимости восстановления суверенитета над землей и культурой и традициями;
- цифровой суверенитет социальных движений, связанный с общественным контролем над технологиями, коммуникациями и цифровой инфраструктурой;
- цифровой суверенитет организаций, связанный со способностью отдельных лиц и компаний функционировать в цифровом мире;
- цифровой суверенитет личности, связанный с контролем человека над своими данными, коммуникациями, устройствами, программным обеспечением и другими технологиями;

Проанализируем некоторые направления и выделим особенности использования термина «цифровой суверенитет» в коммуникативном контексте.

На ранних этапах развития интернета возникла идея независимого от государств суверенного пространства, которое должно было быть создано вне территориальных границ, свободное от государственного регулирования и вмешательства со своими правилами, правами и обязанностями для пользователей. Интернет как особый способ коммуникации является континуальным и бесконечным процессом общения, где сами границы коммуницирования сложно определить. Такой подход угрожал разрушить национально-государственную, территориально ограниченную и суверенную государственную систему. Идеи, связанные с суверенитетом в коммуникативном киберпространстве, все еще актуальны сегодня. Так, М. Мюллер отмечает, что именно люди и их индивидуаль-

ные коммуникации являются основными носителями суверенитета в киберпространстве [Mueller 2017].

Под цифровым суверенитетом государства, как правило, понимают «право и возможность правительства самостоятельно и независимо определять и внутренние и геополитические национальные интересы в цифровой сфере, вести самостоятельную внутреннюю и внешнюю информационную политику, распоряжаться собственными информационными ресурсами, формировать инфраструктуру национального информационного пространства, гарантировать электронную и информационную безопасность государства» [Перова и др.: 119], а также «осуществлять регулирование информационных отношений в рамках соответствующего информационного пространства» [Ефремов: 205].

Китайский исследователь Т. Ху отмечает связь появления термина цифровой суверенитет государства с развитием вычислительных облаков и возрождением суверенной власти в сфере данных [Hu 2015]. Сегодня государства и правительства действительно много говорят о цифровом суверенитете и контроле коммуникативного потока данных между государствами. В одном из первых размышлений, опубликованном в 2012 году французским бизнесменом П. Белланже, цифровой суверенитет определяется как «...контроль над нашим настоящим и нашей судьбой в том виде, в каком они проявляются и ориентируются посредством использования технологий и компьютерных сетей...» [Bellanger: 154]. Автор трактует цифровой суверенитет как способ противодействия тотальному «экспорту частной жизни» граждан и предлагает разработать национальные облака, в которых должны храниться данные о государстве и его гражданах. Эта аргументация согласуется со многими современными заявлениями о том, что государства должны установить контроль над своими данными и коммуникативными и телекоммуникационными сетями по отношению к другим странам, особенно США.

Э. Вудс выделяет ключевые элементы «цифрового суверенитета, в частности, верховный контроль; контроль над территорией; независимость от других суверенов [Woods: 360]. Также Э. Вудс отмечает необходимость исключительно-го контроля над данными со стороны государства в пределах государственной границы [Woods, 364], а также принуждение к соблюдению норм и требований органов государственной власти и контроль средств соблюдения [Woods: 361].

В некотором противоречии с государственным суверенитетом находится «цифровой суверенитет социальных движений». Данная категория используется для подтверждения автономии социальных сообществ посредством общественного контроля над технологиями, коммуникациями и цифровыми инфраструктурами, и касается таких аспектов как бесплатное программное обеспечение, сервисы с открытым исходным кодом и т.д. Так, А. Хаше отмечает, что цифровой (технологический) суверенитет относится к «технологиям, разработанным гражданским обществом и для него» [Nashé: 11]. Гражданское общество, по его мнению, это граждане и коллективы, действия которых в первую очередь мотивированы не соблазном получения прибыли, а скорее реакцией на желания и по-

требности, вызванные, в том числе, социальными и политическими трансформациями. По мнению Л.А. Василенко, «в цифровом обществе становится жизненно важным адекватное построение социально-ориентированного управления и внедрение механизмов регуляции, направленных на изменение поведенческих практик и уровней общественных взаимодействий» [Василенко: 47]. Все это, соответственно, ведет к изменениям в коммуникативных взаимодействиях, в сборах, анализе и систематизации информации.

В своей работе Т. Нито отмечает, что «быть суверенным в своих личных данных – значит обрести автономию и свободу» [Nitot: 3]. Благодаря силе и возможностям технологических корпораций государство больше не может поддерживать безопасность коммуникаций своих граждан в Интернете, а это означает, что теперь на последних лежит необходимость построения их личного цифрового суверенитета. В этом контексте суверенитет социальных движений в некоторой степени противоречит государственному подходу к цифровому суверенитету.

В контексте местных общин и малых народов цифровой суверенитет связывают с такими характеристиками гражданина, как культура, идентичность, и, его неразрывность с суверенитетом соответствующей коренной нации или местной общины [Couture: 2310]. Коммуникативный аспект в данном формате означает изменения в процессах передачи эмоционального и интеллектуального содержания общения.

Существует небольшое количество исследований, относящихся к цифровому суверенитету организации, в их числе работы И. Хартманна, К. Леманна и некоторых других авторов. В исследованиях Хартманна цифровой суверенитет организации сравнивается с цифровым суверенитетом личности и предлагаются возможности его измерения с точки зрения степени агентности и контроля в цифровом пространстве [Hartmann]. В этом смысле Леманн и Дёрр также понимают цифровой суверенитет организаций как способность самостоятельно получать информацию о соответствующих коммуникациях, технологиях, новых технических решениях и иметь возможность выбирать между несколькими вариантами для определения стратегии развития организации» [Lehmann, Dörr: 14].

Тем не менее, подавляющее большинство исследований изучают либо индивидуальную, либо государственную направленность цифрового суверенитета. В литературе слишком мало внимания уделяется тому факту, что организации являются частью экосистем, и поэтому дискуссии о цифровом суверенитете, как нам представляется, должны быть сосредоточены на всей цепочке (государство, личность, организация). В настоящее время организации не уделяют достаточное внимание цифровому суверенитету. Для них представляют интерес такие концепты как технологический суверенитет и суверенитет данных (например, зависимость организации от поставщика программного обеспечения или доступность цифровых сервисов и т.д.).

Как и И. Хартманн, А. Пентенридер и др. рассматривают цифровой суверенитет в контексте организационных структур как способность, осуществляя ком-

муникации, анализировать новые технические решения, чтобы иметь возможность выбирать лучшие из различных цифровых технологий [Pentenrieder et al.]. Предполагается сильная взаимосвязь между способностью компаний к инновациям и цифровым суверенитетом. Например, К. Богеншталь и Г. Зинке фокусируются на таких тенденциях, как интеллектуальные алгоритмы, большие данные, искусственный интеллект (машинное обучение) или Интернет вещей [Bogenstahl, Zinke: 65].

Цифровой суверенитет личности – достаточно новая тема, возникшая в результате ускорения цифровой трансформации с развитием более совершенных информационно-коммуникационных технологий. Учитывая доминирующее положение крупных технологических гигантов в области облачных вычислений и социальных сетей (Yandex, Google и так далее), данные практически каждого человека и организации в каком-то виде хранятся и обрабатываются неизвестным образом в облаке этих компаний, что может потенциально привести к нарушению фундаментальных прав человека и угрозе суверенитету человека в цифровом пространстве, приватности его персональных данных и конфиденциальности индивидуальных коммуникаций.

Широкое применение умных устройств, технологий мобильности и связи, использование цифровых профилей и аккаунтов, содержащих чувствительную и конфиденциальную информацию в различных сферах общественной жизни поднимает вопрос о надлежащей защите цифровых прав человека как одного из ключевых элементов цифрового суверенитета личности.

Понятие личности в цифровую эпоху приобретает новое содержание и становится более сложным. Личность современного человека, имеющего хотя бы одно цифровое устройство, начинает приобретать свое цифровое содержание [Василенко: 90]. Цифровая личность рассматривается как процесс и результат постоянной оцифровки человека, а все учетные записи и аккаунты, другие реквизиты, являясь средствами коммуникации, дополняют личность и являются ее донстройками.

Так, рассуждая о цифровом суверенитете личности, Л. Флориди начинает с раскрытия индивидуального суверенитета, который он определяет как «собственность на самого себя или самопринадлежность, особенно над собственным телом, выбором и данными» [Floridi: 369], а затем расширяет до «цифрового суверенитета», который он определяет как «управление данными, программным обеспечением, стандартами и протоколами, оборудованием, услугами и инфраструктурой». Такое понимание не ограничивает претензии государств на суверенитет, но, в принципе, позволяет различным организациям, общественным объединениям и даже отдельным лицам сохранять суверенитет.

По мнению О.Н. Гурова и А.А. Петруниной, цифровой суверенитет представляет собой «достижение и поддержание независимости при осуществлении цифровых процессов индивидуальными пользователями и юридическими лицами, действующими в киберпространстве, от любого нежелательного вмешательства со

стороны органов управления данным цифровым сегментом Интернета и/или их агентов влияния» [Гуров, Петрунина: 54]. Они отмечают отсутствие самостоятельности этого понятия и тесную взаимосвязь с понятием культурного суверенитета.

Таким образом, рассмотрев основные социологические контексты использования термина «цифровой суверенитет» в коммуникативном аспекте можно выделить ряд общих черт и различий:

1) расширение количества субъектов, носителей и контекстов использования цифрового суверенитета;

2) концепция цифрового суверенитета личности связана с такими понятиями как контроль, независимость, автономия;

3) за концепцией цифрового суверенитета часто стоит стремление создать противовес очень сильным игрокам, таким как крупные транснациональные ИТ-компании.

Подходы к определению термина «цифровой суверенитет»

Можно выделить несколько разных подходов к описанию данного термина.

1. Упрощение термина «цифровой суверенитет» и сведение к одному конкретному смыслу. В некоторых научных публикациях цифровой суверенитет предлагают определять в рамках определенных условий и подходов [Irion: 41]. То есть термин цифровой суверенитет сводится к условиям и методам его использования без необходимости всеобъемлющего определения.

2. «Цифровой суверенитет» как способность или возможность осуществлять коммуникации в информационном пространстве. Исследователи отмечают эти особенности цифрового суверенитета (в отличие от условий, в которых он реализуется) [Володенков: 8].

3. «Цифровой суверенитет» как право. В некоторых работах цифровой суверенитет трактуется как право субъекта совершать определенные действия. Так, А.П. Кочетков отмечает, что «цифровой суверенитет предполагает право национальных государств на независимое управление своими цифровыми ресурсами, надзор и контроль за деятельностью собственных цифровых платформ» [Кочетков, Маслов: 34]. В Концепции обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации «Цифровой суверенитет» подразумевает право человека полностью или частично отказаться от вовлечения в цифровое взаимодействие, иметь возможность осуществлять свои права с государством и обществом вне цифрового пространства¹.

¹ Концепция обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации // Росконгресс, 29 июня 2022 г. [эл. ресурс]: <https://roscongress.org/sessions/splf-2022-kontseptsiya-obespecheniya-zashchity-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina-v-tsifrovom-prostranstve/about/> (дата обращения: 09.04.2024).

4. «Цифровой суверенитет» как правовая норма. Например, есть такая точка зрения, что цифровой суверенитет – это концепция, согласно которой информация, преобразованная и сохраненная в двоичной форме, подчиняется законам страны, в которой она находится [Hippeläinen: 645]. Применительно к рынку облачных услуг суверенитет данных понимается как правила, определяющие, как и где должны храниться определенные наборы данных в пределах национальных границ, и определяющие права правительств на доступ к этим данным, когда им это необходимо.

5. Цифровой суверенитет как расширение термина государственный суверенитет. В некоторых исследованиях отмечаются некоторые сходства и различия между цифровым суверенитетом и суверенитетом в классическом понимании [Роблес-Каррильо]. Суверенитет данных является необходимым условием реализации национального суверенитета.

Принципы и ключевые характеристики цифрового суверенитета личности в коммуникативном контексте

На основе различных контекстов использования можно выделить следующие принципы и ключевые характеристики цифрового суверенитета личности в коммуникативном контексте.

1. *Легитимный контроль*. Границы цифрового суверенитета личности выходят далеко за пределы суверенитета человека над его данными, а охватывают все цифровое измерение его жизни. Обеспечить суверенитет персональных данных и процессов коммуникации можно только с учетом стандартов и других элементов цифровой системы. Контроль над этими дополнительными характеристиками цифровой среды оказывает огромное влияние на способность человека к общению и самоуправлению в соответствии со своими собственными соображениями и желаниями, что является воздействием на его автономию и индивидуальный цифровой суверенитет. При этом контроль над персональным цифровым пространством является проявлением цифрового суверенитета только в том случае, если этот контроль является законным.

2. *Конфиденциальность* и ограничение информационных потоков как ограничение доступа к информации и персональным данным для третьих лиц и обеспечение защиты от потери контроля. Сохранение конфиденциальности и анонимности также является основой коммуникации и общения в цифровом пространстве.

3. *Многосубъектность*. Цифровой суверенитет является результатом обсуждения и требует включения различных заинтересованных сторон. Необходимо участие различных институтов гражданского общества в разработке принципов и методов использования информации, в том числе изучении и внедрении способов, методов доступа и хранения данных, порядок их уничтожения и пр.

4. *Право собственности*. Цифровой суверенитет – это, прежде всего, персональные данные, которые принадлежат личности (пользователю), а не поставщику или администраторам в социальных сетях. Для использования этих данных

третьими лицами необходимо согласие пользователя, и пользователь должен иметь возможность контролировать/отслеживать, как распространяется его / ее информация, а также иметь право на свободный выбор средств коммуникации.

5. **Автономия действий и коммуникаций.** Индивид должен иметь свободу действовать по своему усмотрению, независимо от внешних ограничений, иметь возможность самостоятельного выбора действий и деятельности, критически осмысливать последствия своих поступков, а также действовать без неправомерного внешнего влияния, давления, манипуляции, идеологического воздействия.

Выводы. Таким образом, цифровой суверенитет – это сложное и многомерное понятие с широким спектром потенциальных коннотаций, связанное со свободой самоопределения, самореализации, коммуникации и автономии деятельности граждан в цифровом пространстве, повышение их роли как потребителей и индивидуальных пользователей цифровых технологий и услуг. Представляется, что цифровой суверенитет личности – это, прежде всего, способность людей предпринимать действия и принимать решения сознательным, преднамеренным и независимым образом (автономный и легитимный контроль) в отношении всех элементов цифровой жизни (цифровой личностью), в частности, персональными данными, цифровыми профилями в социальных сетях и интернет-сервисах, аппаратным и программным обеспечением, цифровыми процессами, электронными услугами и инфраструктурой.

Источники

Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н. (2021). Социология цифрового общества: монография. Томск: Издательство Томского политехнического университета.

Володенков С.В. (2020). Феномен цифрового суверенитета современного государства в условиях глобальных технологических трансформаций: содержание и особенности // Журнал политических исследований. Т. 4. № 4. С. 3-11.

Гуров О.Н., Петрунина М.А. (2020). Цифровая трансформация: человеческое измерение // Гуманитарный вестник. Т. 82. № 2. С. 8.

Ефремов А.А. (2017). Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 1. С. 201-215.

Кочетков А.П., Маслов К.В. (2022). Цифровой суверенитет как основа национальной безопасности России в глобальном цифровом обществе // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. № 2. С. 31-45.

Моисеев А.А. (2011). Об особенностях современной трактовки понятия «Суверенитет» // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. Т. 23. № 3. С. 28-34.

Пастухова Н.Б. (2010). Суверенитет и федеративная организация российского государства в условиях глобализации: конституционно-правовые аспекты. Автореф. дис. ... д. юр. наук. М.

Перова М.В., Волковская И.В., Максимова А.М. (2022). Цифровой суверенитет как приоритет государственной политики на современном этапе // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности. М.: ИП Овчинников Михаил Артурович (Типография Алеф).

- Роблес-Каррильо М. (2023). Суверенитет и цифровой суверенитет // *Journal of Digital Technologies and Law*. Т. 1. № 3. С. 673-690.
- Bellanger P. (2012). De la souveraineté numérique. *Le Débat*. No. 3. P. 149-159.
- Bogenstahl C., Zinke G. (2017). Digitale Souveränität-ein mehrdimensionales Handlungskonzept für die deutsche Wirtschaft. In: *Digitale Souveränität*. Berlin: Springer-Verlag.
- Cercy N., Nitot T. *Numérique: reprendre le contrôle*. Paris: Framasoft.
- Couture S., Toupin S. (2019). What does the notion of “sovereignty” mean when referring to the digital? *New Media & Society*. Vol. 21. No. 10. P. 2305-2322.
- Irion K. (2012) Government cloud computing and national data sovereignty. *Policy & Internet*. Vol. 4. No. 3-4. P. 40-71.
- Hartmann E.A. (2022). Digitale souveränität: soziotechnische bewertung und gestaltung von anwendungen algorithmischer systeme. In: *Digitalisierung souverän gestalten II: Handlungsspielräume in digitalen Wertschöpfungsnetzwerken*. Berlin: Springer.
- Hippeläinen L., Oliver I. and Lal S. (2017). Towards dependably detecting geolocation of cloud servers. In: *Network and System Security: 11th International Conference, NSS 2017, Helsinki, Finland, August 21–23, 2017, Proceedings 11*. Cham: Springer.
- Hollis D.B. (2012). Stewardship versus sovereignty? International law and the apportionment of cyberspace. In: *International law and the apportionment of cyberspace (March 19, 2012)*. Rochester, NY: Social Science Research Network.
- Hu T.H. (2015). *A Prehistory of the Cloud*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Kallis A. (2018). Populism, sovereigntism, and the unlikely re-emergence of the territorial Nation-State. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. Vol. 11. No. 3. P. 285–302.
- Lehmann C., Dörr L. (2022). Digital souveräne Gestaltung von Services–ein marktfähiger Mehrwert? In: *Digitalisierung souverän gestalten II*. Heidelberg: Springer.
- Mueller M. (2017). *Will the Internet fragment?: Sovereignty, globalization and cyberspace*. Hoboken: John Wiley & Sons.
- Philpott D. (2003). Sovereignty. In: *Stanford encyclopedia of philosophy*. Stanford, CA: Stanford University.
- Pentenrieder A., Bertini A., Künzel M. (2021). Digitale souveränität als trend? Der Werkzeugmaschinenbau als wegweisendes Modell für die deutsche Wirtschaft. In: *Digitalisierung souverän gestalten: Innovative Impulse im Maschinenbau*. Berlin: Springer.
- Werner W.G., De Wilde J.H. (2001). The endurance of sovereignty. *European Journal of International Relations*. Vol. 7. No. 3. P. 283–313.
- Woods A.K. (2018). Litigating data sovereignty. *The Yale Law Journal*. P. 328-406.

■ ■ ■ Personal Digital Sovereignty: communicative aspect

Litvintseva E.A., Vasekin A.S.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia.

Abstract. The article reveals the essence and content of the personal digital sovereignty in the context of dynamically developing digitalization processes. The relevance of the topic is based on the growing need in security of personal, private and other sensitive data in the digital space. The use of digital profiles and accounts containing sensitive and confidential information, the use of smart devices, programs and technologies raises the question

of understanding the digital sovereignty of the individual, the ways to ensure it, and the problem of communication in the digital space as a whole. In scientific and practical literature significant attention has recently been paid to the digital sovereignty of the state. However, the peculiarities of the development of a digital society, i.e. the issues of protection of the rights and interests of individual in the digital space, remain poorly studied. The subject of the article is the personal digital sovereignty, its basic characteristics and structural elements. The authors reveal the main approaches to defining the essence of this concept from the standpoint of many disciplines and branches of knowledge. The study is concluded with the authors' definition of the concept of "personal digital sovereignty".

Keywords: personal digital sovereignty, information security, confidentiality, personal data

For citation: Litvintseva E.A., Vasekin A.S. (2024). Personal digital sovereignty: communicative aspect. *Communicology (Russia)*. Vol. 12. No. 3. P. 116-127. DOI: 10.21453/2311-3065-2024-12-3-116-127.

About the authors: Litvintseva Elena Ananyevna – DSc (Soc.), Head of the Department of Organizational Design of Management Systems at the Institute of Public Administration and Civil Service, RANEPa. *E-mail:* litvintseva-ea@ranepa.ru. Vasekin Artem Sergeevich – postgraduate student of the Department of Organizational Design of Management Systems at the Institute of Public Administration and Civil Service, RANEPa. *E-mail:* vasekin-as@ranepa.ru. *Address:* 119606, Moscow, Vernadsky av., 84.

Received: 06.03.2024. *Accepted:* 28.08.2024.

References

- Bellanger P. (2012). On digital sovereignty. *The Debate*. No. 3. P. 149-159 (in Fr.).
- Bogenstahl C., Zinke G. (2017). Digital sovereignty - a multidimensional action plan for the German economy. Berlin: Springer-Verlag (In Deu.).
- Cercy N., Nitot T. Digital: regaining control. Paris: Framasoft (in Fr.).
- Couture S., Toupin S. (2019). What does the notion of "sovereignty" mean when referring to the digital? *New media & society*. Vol. 21. No. 10. P. 2305-2322.
- Efremov A.A. (2017). Formation of the concept of information sovereignty of the state. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. No. 1. P. 201-215 (in Rus.).
- Gurov O.N., Petrunina M.A. (2020). Digital transformation: human dimension. *Humanitarian Bulletin*. Vol. 82. No. 2. P. 8 (in Rus.).
- Hartmann E.A. (2022). Digital sovereignty: socio-technical assessment and design of applications of algorithmic systems. In: *Shaping digitalization sovereignty II: Scope for action in digital value creation networks*. Berlin: Springer (In Deu.).
- Hippeläinen L., Oliver I. and Lal S. (2017). Towards dependably detecting geolocation of cloud servers. In: *Network and system security: 11th International Conference, NSS 2017, Helsinki, Finland, August 21–23, 2017, Proceedings 11*. Cham: Springer.
- Hollis D.B. (2012). Stewardship versus sovereignty? International law and the apportionment of cyberspace. In: *International law and the apportionment of cyberspace (March 19, 2012)*. Rochester, NY: Social Science Research Network.
- Hu T.H. (2015). *A Prehistory of the Cloud*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Irion K. (2012) Government cloud computing and national data sovereignty. *Policy & Internet*. Vol. 4. No. 3-4. P. 40-71.

- Kallis A. (2018). Populism, sovereigntism, and the unlikely re-emergence of the territorial Nation-State. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. Vol. 11. No. 3. P. 285–302.
- Kochetkov A.P., Maslov K.V. (2022). Digital sovereignty as the basis of Russia's National Security in the global digital society. *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Science*. No. 2. P. 31-45 (in Rus.).
- Lehmann C., Dörr L. (2022). Digitally sovereign design of services – a marketable added value? In: *Designing digitalization sovereignly II*. Heidelberg: Springer (In Deu.).
- Moiseev A.A. (2011). On the Features of the Modern Interpretation of the Concept of "Sovereignty". *Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*. Vol. 23. No. 3. P. 28-34 (in Rus.).
- Mueller M. (2017). *Will the Internet fragment?: Sovereignty, globalization and cyberspace*. Hoboken: John Wiley & Sons.
- Pastukhova N.B. (2010). Sovereignty and federal organization of the Russian State in the context of globalization: constitutional and legal Aspects: Author's thesis. Moscow (in Rus.).
- Pentenrieder A., Bertini A., Künzel M. (2021). Digital sovereignty as a trend? Machine tool manufacturing as a pioneering model for the German economy. In: *Shaping digitalization with confidence: Innovative impulses in mechanical engineering*. Berlin: Springer (In Deu.).
- Perova M.V., Volkovskaya I.V., Maksimova A.M. (2022). Digital sovereignty as a priority of State Policy at the Present Stage. In: *Challenges of modernity and strategies for the development of society in the context of the new reality*. Moscow: IP Ovchinnikov Mikhail Arturovich (Alef Printing House) (in Rus.).
- Philpott D. (2003). Sovereignty. In: *Stanford encyclopedia of philosophy*. Stanford, CA: Stanford University.
- Robles-Carrillo M. (2023). Sovereignty and digital sovereignty. *Journal of Digital Technologies and Law*. Vol. 1. No. 3. P. 673-690 (in Rus.).
- Vasilenko L.A., Meshcheryakova N.N. (2021). *Sociology of the digital society: monograph*. Tomsk: Publishing House of Tomsk Polytechnic University (in Rus.).
- Volodenkov S.V. (2020). The phenomenon of digital sovereignty of a modern state in the context of global technological transformations: content and features. *Journal of Political Research*. Vol. 4. No. 4. P. 3-11 (in Rus.).
- Werner W.G., De Wilde J.H. (2001). The endurance of sovereignty. *European Journal of International Relations*. Vol. 7. No. 3. P. 283–313.
- Woods A.K. (2018). Litigating data sovereignty. *The Yale Law Journal*. P. 328-406.